

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРЫ: СЕМАНТИКА ТВОРЧЕСКИХ ВЛИЯНИЙ

Научно-практическая статья

УДК 82.091

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-157-169

ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК» И В РОМАНЕ О. ПАМУКА «БЕЛАЯ КРЕПОСТЬ»

Иванова Елена Радифовна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
Ivanova-656@mgpu.ru, AuthorID: 502189, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу произведений Ф.М. Достоевского и современного турецкого писателя О. Памука. Сопоставление основано на схожести художественного воплощения темы двойничества в повести Достоевского «Двойник» и в романе Памука «Белая крепость». Более того, турецкий автор неоднократно подчеркивал влияние русского писателя на его творчество, что также подтверждает обоснованность предпринятого сопоставления произведений столь разных авторов. Двойничество как востребованный «ключ» к поэтике русской и зарубежной литературы остается предметом исследований литературоведов, которые открывают новые грани феномена. Потенциал темы двойничества в художественной литературе позволяет авторам внести в ее интерпретацию современные проблемы. Памук, опираясь на созданный Достоевским вариант двойничества, задается вопросом о необходимости идентичности и культурной самобытности в современном мире. Турецкий писатель утверждает свою модель мира, основанную на открытости, на переплетении культур и традиций. Именно поэтому его двойники не противопоставлены, а дополняют друг друга, становясь единым целым.

Ключевые слова: двойничество, Ф.М. Достоевский, постмодернизм, турецкая литература, О. Памук.

Для цитирования: Иванова Е.Р. Тема двойничества в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» и в романе О. Памука «Белая крепость» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 157–169. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-157-169.

Original scientific and practical article

THE THEME OF DUALITY IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELLA "THE DOPPELGANGER" AND O. PAMUK'S NOVEL "THE WHITE FORTRESS"

Elena R. Ivanova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

Ivanova-656@mgpu.ru, AuthorID: 502189, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the works of F.M. Dostoevsky and the modern Turkish writer O. Pamuk. The comparison is based on the similarity of the artistic embodiment of the theme of duality in Dostoevsky's novella "The Doppelganger" and O. Pamuk's novel "The White Fortress". Moreover, the Turkish author has repeatedly emphasized the influence of the Russian writer on his work, which also confirms the validity of the attempted comparison of the works of such different authors. Duality as a sought-after "key" to the poetics of Russian and foreign literature remains the subject of literary critics' research, which reveals new facets of the phenomenon. The potential of the theme of duality in fiction allows the authors to introduce modern problems into its interpretation. Pamuk, relying on the version of duality created by Dostoevsky, wonders about the need for identity and cultural identity in the modern world. The Turkish writer asserts his model of the world based on openness, on the interweaving of cultures and traditions. That is why his doppelgangers are not opposed, but complement each other, becoming a single whole.

Keywords: duality, F.M. Dostoevsky, postmodernism, Turkish literature, O. Pamuk.

For citation: Ivanova Elena R. The Theme of Duality in F.M. Dostoevsky's Novella "The Doppelganger" and O. Pamuk's Novel "The White Fortress" // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 157–169. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-157-169.

© Иванова Е.Р., 2024

Введение

Творчество лауреата Нобелевской премии за 2006 год Орхана Памука стало своеобразным прорывом в современной турецкой литературе, открывшим для читателей неповторимый мир художественной словесности Турции. Пройдя довольно сложный и стремительный путь развития, турецкая литература вобрала в себя традиционные черты европейской литературы реализма и модернизма, создав при этом особый национальный стиль. Во многом турецкий литературный процесс был обусловлен непростой социально-политической жизнью страны, что нашло отражение в творчестве современных писателей Турции.

Произведения Памука стали объектом пристального внимания литературоведов, рассматривающих его творчество с самых разных точек зрения, но все они отмечают постмодернистскую природу романов писателя [Сулейманова, 2007; Репенкова, 2010; Посохова, 2016]. Так, подчеркивается, что в произведениях Памука «наиболее полно и талантливо нашли отражение постмодернистские тенденции в современной турецкой литературе» [Сулейманова, 2007, с. 3]. Анализ романистики Памука, осуществленный в контексте постмодернистской литературы Турции, приводит к утверждению, что именно он «ввел в турецкую литературу постмодернистское миропонимание» [здесь и ниже: Репенкова, 2010, с. 18]. Указывая на особенности творческой манеры Памука, исследовательница обозначает ее как «меланхолический» постмодернизм.

Сегодня произведения Памука известны всему миру. Его романы переводятся на русский язык и стали для российского читателя своеобразным «путеводителем» по Стамбулу в романах «Музей невинности», «Рыжеволосая женщина» и др. Интересны авторские экскурсии в историю и искусство Турции, например, в романе «Имя мне – красный» (1998). В 2016 году писатель стал лауреатом литературной премии «Ясная Поляна» в номинации «Иностранная литература» за книгу «Мои странные мысли».

20 февраля 2017 года Орхан Памук был удостоен звания почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, и на торжественной церемонии вручения диплома и мантии он прочитал лекцию о творчестве Достоевского. «Турецкие романисты, – сказал Памук, – многому научились у великой русской литературы. Толстой, Достоевский, Чехов <...>. Эти три писателя стали для турецкой литературы XX века такими же важными ориентирами, как и французские писатели. Для меня Толстой и Достоевский – величайшие писатели на все времена <...>. Из двух русских писателей Достоевский оказывает на меня наибольшее воздействие» [Памук, 2021, с. 437]. Это заключение Памука дает основание для сравнительного анализа его романов с произведениями Достоевского.

Материалом для данного исследования послужили повесть Достоевского «Двойник» (1846) и роман Памука «Белая крепость» (1985). В исследовательской практике уже отмечалась интертекстуальная связь романа «Белая крепость» с творчеством русского писателя [Посохова, 2011, с. 220], однако это утверждение осталось без внимательного рассмотрения и сравнительного анализа произведений. *Основой для сопоставления* названных произведений стал представленный в них особый тип двойничества, при котором в тексте повести и романа появляются двойники в буквальном смысле слова, а не герои, схожие внутренним обликом, мировоззрением, судьбой.

Цель исследования – более четко обозначить, какие именно черты поэтики Достоевского были творчески восприняты турецким писателем и как они были переосмыслены в контексте его художественного мира. Для достижения

поставленной цели необходимо реализовать *следующие задачи*: рассмотреть, как тема двойничества воплощена в романе Памука; установить интертекстуальные и эстетические связи повести Достоевского и романа турецкого писателя; определить, какие черты психологизма Достоевского привнесены в изображение внутреннего мира героев Памука. Основой предпринятого исследования является *сравнительный метод*, позволяющий установить связь между творчеством писателей, принадлежащим к разным историческим эпохам и национальным культурам.

Основная часть

Повесть «Двойник» – одно из ранних произведений Достоевского, опубликованное в феврале 1846 года. Интерес к нему не ослабевает и в современном литературоведении [Ким, 2003; Евлампиев, 2010 и др.]. Главы, прочитанные автором ряду лиц в ходе работы, вызвали одобрение друзей писателя. Но после публикации окончательного варианта на Достоевского обрушился поток критики, о чем он писал своему брату М.М. Достоевскому 1 апреля 1846 года: «Но вот что гадко и мучительно: свои, наши, Белинский и все, мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе – критика. Именно: все, все с общего говору, то есть наши и вся публика, нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности» [Достоевский, 1985, с. 119]. К работе над повестью писатель вернулся в 1866 году, тогда же появился подзаголовок «Петербургская поэма».

История титулярного советника Якова Петровича Голядкина в «Двойнике» Достоевского изначально содержала аллюзии к «Петербургским повестям» Н.В. Гоголя, на что указывает и появившийся позже подзаголовок. Совершенно очевидна отсылка к повестям «Нос» (1832–1833), «Портрет» (1833–1834), «Невский проспект» (1833–1834), в которых по-разному реализуется тема двойничества. С гоголевской повестью «Шинель» произведение Достоевского, помимо двойничества, связывает и образ «маленького» человека, черты которого присущи Голядкину. Сцена бала в доме статского советника Олсуфия Ивановича Берендеева, когда герой оказывается в оппозиции к обществу, частью которого себя считал, отсылает к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

Тема двойничества органично связывает творчество Достоевского и с наследием немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана, который представил ее в повести «Двойники» (1814) и в романе «Эликсир сатаны» (1814–1816). Так, в литературоведческой практике утверждается, что «идея двойника как художественного воплощения противоречивой сущности личности, ее взаимоисключающих импульсов и устремлений, вполне возможно, возникла у Достоевского под влиянием немецкого романтика» [Ботникова, 1977, с. 158]. Определение истоков темы двойничества в поэтике Достоевского позволяет увидеть особенности ее авторской интерпретации, понять, какие новые смыслы

вкладывает писатель в этот феномен. Исследования современных филологов показывают, что интерес к теме двойничества в творчестве русского писателя не угасает, что открываются ее новые грани [Михалева, 2006].

Важно отметить, что сам Достоевский неоднократно подчеркивал свое особое отношение к повести «Двойник». В письмах и дневниках писатель много раз возвращался к этому произведению. Так, в издании «Дневника писателя», датируемого 1877 годом (Ноябрь. Глава первая, параграф II – «История глагола “стусhevаться”»), Достоевский пишет об «идее» повести «Двойник», называя ее «светлой» и утверждая: «серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил» [Достоевский, 1984, с. 65], а ранее, в письме к брату М.М. Достоевскому, датированному январем-февралем 1847 года, писатель воспроизводит оценку этого произведения публикой через год после ее издания: «Иные прямо говорят, что это произведение *чудо* и не понято» и «что ему [уготована] страшная роль в будущем» [Достоевский, 1985, с. 139]. Это означает, что феномен двойничества в данном произведении имеет сложную природу [Степанян, 2002], и ее творческому осмыслению писатель посвятил целый ряд своих известных романов. Двойничество в различных ипостасях предстает в романах «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы» и в других произведениях. История интерпретации повести «Двойник» показывает, как от «социального» толкования образа Голядкина, рассматриваемого в контексте темы «маленького» человека, исследователи пришли к его философско-символистской и даже мистической трактовке. Справедливо утверждение о том, что «”пресмыкание” Голядкина имеет не социальный, а какой-то метафизический оттенок, он не просто ощущает низменность своего положения на иерархической лестнице чинов, но хочет стать ничем, вообще уничтожиться, исчезнуть как эта конкретная личность» [Евлампиев, 2010, с. 6].

Так, проезжая в экипаже по Невскому проспекту, Голядкин встречает своего начальника Андрея Филипповича, который с удивлением смотрит на подчиненного, позволившего себе такую роскошь, как экипаж. «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? – думал в неопишуемой тоске наш герой, – или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно похожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только! – говорил господин Голядкин, снимая шляпу пред Андреем Филипповичем и не сводя с него глаз. – Я, я ничего, – шептал он через силу, – я совсем ничего, это вовсе не я, Андрей Филиппович, это вовсе не я, не я, да и только» [Достоевский, 1972, с. 113].

Страстное желание героя спрятаться, стать незаметным, поставить вместо себя кого-то другого удивительным образом было исполнено. После скандала на балу в доме Берендеева, где Голядкину грубо указали на его место и выдворили вон, он чувствует себя убитым. Автор устами повествователя так описывал его состояние: «Скажем более: господин Голядкин не только

желал теперь убежать от себя самого, но даже совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [Достоевский, 1972, с. 139]. Достоевский не объясняет, какие силы откликнулись на желание героя «уничтожиться» и создали второго Голядкина, который устроился на ту же должность и в том же департаменте, а главное – почему никого из окружающих не удивило появление двойника Якова Петровича. Очевидно, что замена одного Голядкина другим происходит прежде всего потому, что первый отказался от себя самого, растоптал в себе личность, нивелировал свою индивидуальность, стал «пустотой». Именно поэтому его расторопный и хваткий двойник наглет и занимает все больше личного пространства Якова Петровича по мере того, как тот растерянно сдает свои позиции. В финале повести отношения Голядкина-старшего и Голядкина-младшего, как определяет их автор, кажутся очень запутанными. Достоевский окончательно переносит тему двойничества в сферу внутреннего мира главного героя. Становится ясно, что Голядкин-младший – это тот, кем хотел бы стать реальный титулярный советник Яков Петрович Голядкин, но так и не смог этого сделать. «Голядкин-младший – это не только материализация “темной” стороны личности героя, одновременно он представляет собой некий идеал интригана, без труда добивающегося успеха. Это своего рода мечта Голядкина об успехе, которого он никак не может добиться в реальной жизни в силу неразрешимой противоречивости своей натуры» [Евлампиев, 2010, с. 11].

* * *

Действие романа Памука «Белая крепость» разворачивается в Турции XVII века. В основу повествования, как это часто встречается в произведениях постмодернистской литературы, положена история из якобы найденной рукописи, в которой повествуется о жизни венецианца, попавшего в турецкий плен и прожившего на чужбине оставшуюся жизнь. Повествование от первого лица придает произведению атмосферу особой достоверности, вводя читателя в мир восточной культуры и истории, увиденных европейцем. Интересно, что мотив двойничества и зеркальности звучит еще в экспозиции к основному действию романа. Герой вспоминает свою прежнюю жизнь и видит себя со стороны совсем иначе: «В те времена я был другим человеком, которого мать, невеста и друзья называли другим именем. Мне и сейчас иногда снится тот, кто был мной, – или тот, о ком я сейчас так думаю, – и я просыпаюсь в холодном поту» [Памук, 2022, с. 19]. В этой структурной части произведения мотив двойничества развивается в рамках внутреннего мира героя, отражает его изменившийся взгляд на самого себя, подчеркивает кардинальные перемены в жизни и мировосприятии европейца, надолго оказавшегося в турецком плену.

Неожиданный импульс сюжет получает во второй главе романа, когда в ретроспективном повествовании герой рассказывает о том, что произошло с ним много лет назад. Пленник, очутившийся волею судьбы в Турции и испытавший множество лишений и бед, получает надежду на возвращение домой, но неожиданно оказывается рабом человека, приближенного ко двору

паши. Более того, рассказчик и его новый хозяин оказываются похожими как две капли воды. «Я взглянул ему в лицо и внезапно похолодел от страха! Человек, вошедший в комнату, был поразительно, невероятно похож на меня. Да это я и был! Такая мысль промелькнула у меня, едва я его увидел. Словно бы некто, желая сыграть со мной шутку, снова ввел меня в комнату через дверь прямо напротив той, в которую я недавно вошел, и сказал мне: посмотри, вот каким ты должен быть на самом деле, вот как ты должен был войти в дверь, вот какие у тебя должны быть жесты, вот как должен смотреть на тебя сидящий в комнате человек» [Памук, 2022, с. 31].

С таким же страхом и ужасом воспринимает появления двойника и герой Достоевского. «Господин Голядкин хотел закричать, но не мог, – протестовать каким-нибудь образом, но сил не хватило. Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса. Да и было от чего, впрочем. Господин Голядкин совершенно узнал своего ночного приятеля. Ночной приятель был не кто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, – одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях» [Достоевский, 1972, с. 143]. Именно страх и ужас, а не удивление испытывают герои произведений Достоевского и Памука. Писатели одинаково интерпретируют феномен двойничества – как посягательство на личностное пространство и разрушение личностной целостности. Однако если образ Голядкина-младшего так и остается персонажем мистическим, вытеснившим из жизни Голядкина-старшего, то двойник в романе Памука вполне реален: у него есть имя – Ходжа; есть дом, работа; он связан с окружающим миром множеством нитей. При этом герою кажется, что окружающих ничуть не удивляет его поразительное сходство с Ходжой – или они этого просто не замечают. Происходящее беспокоит образованного рационалиста, впервые в жизни оказавшегося ввергнутым в события, которые он не может понять и объяснить. При этом Памук также не дает возможных версий встречи двойников, а причудливо переплетает их судьбы.

Особое внимание обращают на себя сходные эпизоды в произведениях Достоевского и Памука, в которых авторы акцентируют внимание на том, что герои-двойники оказываются за одним рабочим столом. Они делят не трапезу, а дела, выполнением которых заняты. Голядкин-старший, явившись в присутственное место, где служил титулярным советником, вдруг увидел своего двойника, сидящего напротив и перебирающего какие-то бумаги. Ходжа в романе «Белая крепость» не знает, что такое стол и с недовольством наблюдает за тем, как венецианец обустроивает свое рабочее место. Однако «потом Ходжа привык и к столу, и к стульям и даже говорил, что за столом ему лучше думается и пишется», в результате чего герой заключает: «В те первые месяцы наших ученых трудов мы сидели за столом друг напротив друга» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 55, 106]. В дальнейшем Ходжа выдвигает

беспрекословное требование «садиться за стол друг против друга и писать одновременно: только так можно <...> вселить друг в друга стремление к упорядоченной работе».

Возникает мотив зеркального отражения, который еще больше подчеркивает внешнее сходство героев в романе турецкого писателя. Этот мотив призван поставить перед гером-европейцем проблему идентичности и самопознания. Если Голядкин-старший видит в своем двойнике того, кем всегда желал стать, и поэтому более остро ощущается свою никчемность, то пленник-европеец в романе Памука, напротив, понимает, насколько Ходжа старается казаться умнее и образованнее его, и это внушает венецианцу чувство превосходства и уверенности в себе. В романе «Белая крепость» происходит и «обратное» влияние героя на своего двойника. Так, после одиннадцати лет совместной жизни и работы Ходжа задает вопрос своему рабу: «Почему я – это я?» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 144]. Пленник советует ему почаще смотреть в зеркало, чтобы понять, кто он есть. Этот совет приведет турка к глубоким философским размышлениям о том, что зеркало отражает «наружность» человека, а мысли – «самую сокровенную суть».

Более того, в сравниваемых произведениях важную роль играют эпизоды, в которых один из двойников присваивает себе заслуги и работу своего визави. Например, Голядкин-второй однажды вырвал из рук потрясенного Якова Петровича важный документ, над которым тот долго и усердно трудился, и преподнес бумагу его превосходительству от своего имени – и даже получил высокую похвалу начальства. Ходжа в романе Памука постепенно становится все более зависим от знаний своего раба, получившего образование в Европе. В конце концов он даже не сможет продолжить излагать свои мысли в собственных научных трудах, пока не получит одобрения венецианца. Здесь Голядкин-младший и Ходжа напоминают гофмановского Цахеса, который благодаря чарам получил возможность присваивать себе достижения других.

Важно, что двойник в повести Достоевского в итоге вытеснит и заменит несчастного Голядкина-старшего, которого в финале истории увезут в казенный дом, в то время как в романе Памука герои-двойники, по замыслу паши, должны были дополнить друг друга. Турецкий писатель разворачивает тему двойничества в традициях постмодернистской литературы: очевидны элементы «игры» с читателем, диалог разных культур и литератур, симуляционность. Герои романа «Белая крепость», исчерпав научные темы, начинают подробно описывать свою прежнюю жизнь, узнавая друг друга заново. Эти записи со временем превратились в исповеди венецианца и Ходжи, сделав их еще ближе. В драматические моменты жизни турок просит посмотреться в зеркало вместе. В такие минуты этот герой все больше осознает, насколько внешнее сходство изменило внутренний мир их обоих, их восприятие друг друга: «Тогда я видел перед собой человека, которым должен был стать; теперь же подумал, что это он должен стать таким, как я.

Мы – единое целое!» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 142, 144]. Каждое новое событие в судьбе героев доказывало это открытие. Они начинают понимать и чувствовать друг друга на интуитивном уровне. Это заставляет Ходжу заявить своему рабу-европейцу: «Я стал тобой!», а венецианцу смиренно признать, что «он и есть Ходжа».

Таким образом, Памук по-своему разрабатывает тему двойничества: изначальная враждебность героев-двойников и трагическое исчезновение одного из них, как это происходит в произведениях Э.Т.А. Гофмана, Э. По, Достоевского, «зеркально» изменяются, и герои становятся единым целым умственно и духовно. Своеобразным апофеозом такого формата двойничества в романе «Белая крепость» является представление лицедея во дворце султана, когда один актер играл роль человека, который был наполовину Ходжой, а наполовину – венецианцем. Очевидно, что именно так их видели все окружающие.

В повести Достоевского важную роль играет сон Якова Петровича Голядкина, в котором он видит, как Голядкин-второй буквально занимает все пространство вокруг, стремительно множась. Этот сон дублирует главную идею произведения, предвещает его развязку, раскрывает внутренний мир героя. В романе Памука героям также снятся сны. Особую роль играет сон венецианца, который привиделся ему, когда уже все воспринимали его как нечто единое и неразрывно связанное с Ходжой. Более того, Ходжа, словно устав от многолетних поисков самоидентификации, уступает лидерство своему рабу, которого оценивает как равного. Во сне герой-венецианец видит себя на бале-маскараде, где встречает свою мать и невесту. Он опускает маску, надеясь, что они узнают его, но этого не происходит. Тогда он замечает среди гостей Ходжу и направляется к нему. Тот снимает свою маску – и венецианец видит себя молодым, каким был, когда расстался с близкими и оказался в плену. Этот сон также становится одновременно пророческим и символическим. Позже, во время испытаний оружия, изобретенного героями-учеными, оба понимают, что их ждет неудача и казнь. Тогда венецианец отдает Ходже свою одежду и медальон, по которому его могут узнать близкие, и рассказывает о последних значимых подробностях своей прежней жизни. Ходжа уходит.

В эпилоге романа Памук вновь возвращается к «рукописи», обнаруженной на дне старого сундука в 1982 году, и к ее «создателю». Читатель узнает о последующей жизни героя-венецианца, который ассимилировался в Турции и вспоминает о Ходже с теплотой: «Я любил его, любил, словно собственный несчастный, жалкий образ, явившийся мне во сне» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 274, 279]. По замыслу писателя, эта «книга» и оказалась у рассказчика. Страницы рукописи повествуют о том, как однажды в его дом явился странник, которого якобы прислал Ходжа. Он рассказал о том, что Ходжа добрался до Венеции, нашел дом и семью своего двойника-христианина и даже женился на его бывшей невесте. «Европейский Ходжа» стал знаменитым ученым, известным писателем, а его книга «Турок, с которым я был близко знаком»

открыла европейцам мир Востока. Гость восхищается тем, насколько подробно герой когда-то рассказал о себе: «Как много вы ему [Ходже] о себе поведали!». Всё это создает вполне ожидаемую развязку истории двойников: один заменил другого, герои поменялись местами и судьбами. Ходжа, знавший всё о жизни европейца, воспользовался этим и устроился в Венеции, начал другую жизнь. Однако фраза гостя «Самое удивительное – это то, что он нисколько на вас не повлиял!» [Памук, 2022, с. 281] усложняет финал романа.

Памук использует прием смешения судеб героев-двойников, создавая эффект нераспознавания одного и другого, вводя целую систему вопросов: кто этот гость? Кем он видит своего знакомого итальянца и хозяина дома в Турции? Почему он замирает, увидев поднос с персиками и черешней, которые соотносятся с картинами прошлой жизни венецианца? Не сам ли Ходжа вернулся, чтобы вновь обрести свое второе «я»?

Вопросы, как и должно быть в постмодернистском романе, остаются без ответа. Также окончательно не решенной – открытой – остается и тема двойничества в романе «Белая крепость».

Выводы

Сравнительный анализ произведений Ф.М. Достоевского и О. Памука показал, что феномен двойничества воспринимается турецким писателем в совершенно ином культурном и историческом контексте, нежели Ф.М. Достоевским, который опирался на мотив двойничества, сложившийся в европейской литературе.

Принципиальные противоречия героев-двойников, основанные на религиозных взглядах, культурных традициях, которые всегда воспринимались как непреодолимые, О. Памук оценивает как весьма условные. Его герои разрешают эти противоречия: венецианец отказался стать мусульманином, и Ходжа оставил эту идею, принимая своего пленника таким, каков он есть. В свою очередь турецкий герой-мыслитель и изобретатель многому учится у героя-европейца, а оба они находят интересными и привлекательными многие черты культур, которые традиционно противопоставлялись друг другу. Таким образом О. Памук, интерпретируя тему двойничества, подчеркивает относительность любой идентичности в современном мире.

Источники

Художественная литература

Достоевский Ф.М. Двойник: Петербургская поэма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 1. С. 109–229.

Памук О. Белая крепость. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 288 с.

Дневники. Письма. Лекции писателя

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877: Ноябрь. Глава первая, [параграф] II – История глагола «штушеваться» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. Т. 26. С. 65–67.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма. 1832–1859. 552 с.

Памук О. Лекция о творчестве Ф.М. Достоевского, произнесенная на торжественной церемонии вручения диплома и мантии почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 3. С. 436–443.

Литература

Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. Воронеж: ВГУ, 1977. 204 с.

Евлампиев И.И. Повесть «Двойник» и метафизика «Двойничества» в творчестве Ф. Достоевского // Соловьевские исследования. 2010. № 2 (26). С. 4–17.

Ким Ю.К. Типология двойников в творчестве Ф.М. Достоевского и повесть «Двойник» (1846/1866): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.

Михалева А.А. Герой-двойник и структура произведения: Э.Т.<А.> Гофман и Ф.М. Достоевский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 31 с.

Посохова Е.В. Идеальный диалогизм и интертекстуальность в романах Орхана Памука // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2011. № 3. С. 213–223.

Посохова Е.В. Символика цвета в романах Орхана Памука «Белая крепость», «Черная книга» и «Меня зовут Красный» // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. № 3. С. 453–458.

Репенкова М.М. Постмодернизм в литературе Турции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 37 с.

Степанян К. Тема двойничества в понимании человеческой природы у Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М.: Грааль, 2002. С. 177–190.

Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе (на примере творчества Орхана Памука): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.

References

Sources

Works

Dostoevsky F.M. *Dvojniki: Peterburgskaya poehma* [The Doppelgänger: The Petersburg Poem] // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1972.

V. 1. Pp. 109–229.

Pamuk O. *Belaja krepost'* [The White Fortress]. SPb.: Azbuka Press, Azbuka-Attikus Press, 2022. 288 p.

Diaries. Letters. Lectures of the Writer

Dostoevsky F.M. *Dnevnik pisatelya. 1877: Noyabr'. Glava pervaya, [paragraf] II – Istoriya glagola «stushevat'sya»* [The Writer's Diary. 1877: November. Chapter One, [paragraph] II – The History of the Verb “to Fade Away”] // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1984. V. 26. Pp. 65–67.

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1985. V. 28. Book 1. Letters. 1832–1859. 552 p.

Pamuk O. *Lekcija o tvorchestve F.M. Dostoevskogo, proiznesennaja na torzhestvennoj ceremonii vruchenija diploma i mantii pochetnogo doktora Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Lecture on the Work of F.M. Dostoevsky Delivered at the Ceremony of Awarding the Diploma and Mantle of Honorary Doctor of St. Petersburg State University] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. 2021. V. 18, № 3. Pp. 436–443.

Literature

Botnikova A.B. *E.T.A. Gofman i russkaja literatura* [E.T.A. Hoffman and Russian Literature]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1977. 204 p.

Evlampiev I.I. *Povest' «Dvojniki» i metafizika «Dvojnichestva» v tvorchestve F. Dostoevskogo* [The Novel “The Doppelgänger” and the Metaphysics of “Duality” in the Works of F. Dostoevsky] // *Solov'evskie issledovanija* [Solovyov's Research]. 2010. № 2 (26). Pp. 4–17.

Kim Ju.K. *Tipologija dvojnikov v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i povest' «Dvojniki» (1846/1866)* [The Typology of Doppelgängers in the Works of F.M. Dostoevsky and the Novel “The Doppelgänger” (1846/1866): abstract dis. ... Cand. of Philological Sciences]. M., 2003. 21 p.

Mikhaleva A.A. *Geroj-dvojniki i struktura proizvedenija: E.T.<A>. Gofman i F.M. Dostoevskij* [The Double Hero and the Structure of the Work: E.T.<A>. Hoffman and F.M. Dostoevsky: abstract dis. ... Cand. of Philological Sciences]. M., 2006. 31 p.

Posokhova E.V. *Idejnyj dialogizm i intertekstual'nost' v romanah Orhana Pamuka* [Ideological Dialogism and Intertextuality in Orhan Pamuk's Novels] // *Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations]. 2011. № 3. Pp. 213–223.

Posokhova E.V. *Simvolika cveta v romanah Orhana Pamuka «Belaja krepost'», «Chernaja kniga» i «Menja zovut Krasnyj»* [The Symbolism of Color in Orhan

Pamuk's Novels "The White Fortress", "The Black Book" and "My Name is Red"] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences]. 2016. № 3. Pp. 453–458.

Repenkova M.M. *Postmodernizm v literature Turcii* [Postmodernism in Turkish Literature: abstract dis. ... Doctor of Philological Sciences]. M., 2010. 37 p.

Stepanyan K. *Tema dvojnichestva v ponimanii chelovecheskoj prirody u Dostoevskogo* [The Theme of Duality in Dostoevsky's Understanding of Human Nature] // *XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestv* [The XXI-st Century through the Eyes of Dostoevsky: Perspectives of Humanity]. M.: Graal Press, 2002. Pp. 177–190.

Suleimanova A.S. *Postmodernizm v sovremennom tureckom romane (na primere tvorchestva Orhana Pamuka)* [Postmodernism in the Modern Turkish Novel (Using the Example of Orhan Pamuk's Work): abstract dis. ... Cand. of Philological Sciences. SPb., 2007. 22 p.

Сведения об авторе

Иванова Елена Радифовна – доктор филологических наук, доцент; профессор департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: зарубежная литература, немецкая литература XIX века, новейшая зарубежная литература, прецедентные феномены в художественной литературе.

Information about the Author

Elena R. Ivanova – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: foreign literature, German literature of the XIX-th century, modern foreign literature, precedent phenomena in fiction.